Действующие лица

АННА СЕМЁНОВНА
АКУЛИНА
АЛЕКСАНДРА
АНЖЕЛА

Действие первое

На сцене – ничем не примечательная комната то ли в квартире, то ли в доме. По центру комнаты – большой стол, он накрыт скатертью. Не сразу поймешь, какому времени это жилище принадлежит. Здесь есть и предметы современного быта (торшер, кресло, электрический вентилятор), и приметы относительной старины (самовар, фотографии в фигурных рамках, сундук, патефон). Один угол комнаты занимает печка, через щели её неплотно прикрытой дверцы можно различить отблески пламени.

В комнате мы застаём двух женщин. Та, что постарше – Анна Семёновна, на ней строгое платье. Рядом с ней – молодая женщина с короткой стрижкой, её зовут Александра. На Александре военная гимнастерка с медалью и гражданская юбка, которая заметно топорщится над животом.

Женщины хлопочут, накрывая праздничный стол. Точнее, хлопочет Анна Семёновна: то самовар подвинет, то вилки и салфетки поближе к тарелкам положит, то стаканы лишний раз полотенцем протрёт... Глядя на Александру, нетрудно сделать вывод, что возня с посудой, готовка и сервировка стола – не её стихия.

АННА СЕМЁНОВНА *(громко – куда-то за сцену)*. Акулина, слышишь? За картошкой, за картошкой присмотри, на плите она. Если надо, огонь убавь.

АЛЕКСАНДРА. Картошка – это хорошо! Он картошечку любил… Любит, то есть… Хоть жареную, хоть в мундире… Мы там, когда передышка или, к примеру, в тыл на переформирование, всегда картошкой запасались. Крупа – та сырости боится, дрянь в ней постоянно какая-нибудь заводится. Картоха совсем другое дело... Возьмешь ящики из-под снарядов, набьёшь картошкой штуки три-четыре – и сам чёрт тебе не брат. А вечером на привале почистишь, сваришь, да с сальцом её, да с лучком…

АННА СЕМЁНОВНА *(иронично)*. Почистишь… Что-то не сильно ты сегодня чистила! Я видела: всё Акулина… Одна полведра картошки настрадовала.

АЛЕКСАНДРА *(закуривает папиросу)*. Просто у Акулины это лучше получается. Практика у неё хорошая, всё-таки в кухарках столько лет… Пролетарий общепита, так сказать. Каждому своё…

Анна Семёновна качает головой, но молчит. Возится с посудой.

АЛЕКСАНДРА. У меня, мама, совсем другая линия. Призвание другое: медицина – как-никак батальонный санинструктор. Мне в руках удобней скальпель с зажимом держать, чем поварёшку или скалку там какую-нибудь.

АННА СЕМЁНОВНА. Ага – и папироску тоже… Сколько, Саша, мы с тобой на эту тему говорили… Нельзя тебе! Вредно это – и тебе вредно, и ему тоже *(кивает на живот Александры)*. Ребёнку – в первую очередь… Ну что это такое: молодая симпатичная женщина – и с папиросой в зубах!

АЛЕКСАНДРА *(неохотно тушит папиросу)*. Молодая-симпатичная… Я, мама, о том, что молодая да симпатичная, после первого артналёта забыла. Мина – она всех равняет: молодых и не очень, симпатичных и тех, кто совсем даже наоборот… А после третьего боя вот это дело начала *(демонстрирует пачку)*. Там без этого нельзя… Трудно.

АННА СЕМЁНОВНА. А он что про это говорил? Ну, про курение твоё?

АЛЕКСАНДРА. Кто? Майор-то? А что он скажет… Вы же знаете – он и сам, как паровоз с Транссиба, одну за другой… Говорю же: трудно там без этого. Иной раз такой дубак в блиндаже, что зуб на зуб не попадает, а закуришь – и вроде как теплее. Пайку двое суток не везут, а затянешься – и уже есть не так хочется…

Анну Семёновну рассказ явно растрогал. Она подходит к Александре, приобнимает её за плечи.

АННА СЕМЁНОВНА. Ничего, ничего, родненькая, сегодня попируем на славу. Повод-то какой… И поедим, и наговоримся, и выпьем даже. Может, и споём – все, вчетвером. Война, голод – всё это пусть там остаётся… *(неопределённый взмах руки)*.

А у нас здесь, Сашенька, по-другому всё… Акулина вон сколько всяких вкусностей наготовила. И курица у неё, и буженинка, и огурцы с грибочками… Пирог даже рыбный состряпала, огромный такой…

В комнату стремительно входит Акулина. На ней схваченный узлом на затылке яркий платок и нарядный сарафан, который не сильно скрывает внушительный живот женщины. В руках у Акулины блюдо с большим румяным пирогом.

АКУЛИНА. Да, пирог важный вышел. Пышный, сочный… Тесто, маменька, доброе – вот и пышный. А дух-то, дух от него какой, а!..

Акулина подносит пирог к женщинам.

АННА СЕМЁНОВНА. Чудесно, чудесно пахнет… Ты, Акулина, на все руки – за что на кухне ни возьмёшься, всё у тебя ладится. *(Спохватывается, показывает глазами на живот Акулины.)* Да ты поставь его скорее, тяжело ведь… Нельзя же тебе… Ну-ка, дай его сюда.

Анна Семёновна принимает у Акулины блюдо с пирогом. Ставит блюдо на стол.

АКУЛИНА. Правда ваша, маменька. Хвастать не приучена, только у плиты я и в самом деле – унтер-офицер, а то и цельный подпоручик! *(Смеётся.)*

Тут главный предмет – привычка. Я ж с малолетства при кухне, лет с двенадцати. Сначала матери пособляла для господ готовить, потом, когда матушка преставилась, сама стряпать начала... Без удальства скажу: для меня что кулебяка, что расстегай, что блины гречишные или там судак под сметаной – пустяшное дело. Была бы печка подходящая.

АЛЕКСАНДРА. Печка! Вот оно сразу и видно, что деревня тёмная. Прогресс с индустриализацией вон куда шагнули, а у этой всё печка… Примус, керогаз, керосинка – это для кого придумано? А плитка электрическая?..

АКУЛИНА. Я, милая, в этих делах не смыслю ни бельмеса. Сподобней мне в печке, вот в ней кормилице и готовлю (*кивок в сторону печки*).

Я Майору, бывало, в печке по полбарана враз запекала – так нахвалиться не мог. Сам лакомится, да ещё и друзьяков своих потчует: гусарского командира с гренадёрским штабс-капитаном.

АННА СЕМЁНОВНА. Да, это на него очень похоже, с детства он такой. Один ни за что за стол не сядет, всё ему надо кого-то угостить, с кем-то поделиться…

АЛЕКСАНДРА *(задумчиво)*. Там, мама, не он, а его всё больше угощали. То из пулемёта, то из противотанковых… Майор – он ведь какой? Из штаба корпуса по рации передают: продвинуться до высоты 14-02, закрепиться и вести наблюдение. Да разве его удержишь! Он высоту прошёл – ему надо узнать, что там за дымок на опушке, есть ли там противник. Опушку разведал – до оврага чешет: «Вперёд, вашу Машу! Короткими перебежками вперёд!..» Вот и угощали Майора, а заодно и всех нас за такую расторопность – то из самоходок с фланга, то из миномётов… Только успевай хлопцев перевязывать.

От нахлынувших воспоминаний Александра снова тянется к пачке с папиросами, однако сдерживается, не закуривает.

АКУЛИНА. Истинный Христос – так, родимая! Боевитый он мужчина, как порох горячий. Майор со своими егерями завсегда первым на неприятельский редут заскакивает. Ему вражью флешу взять – что мне чебака почистить. За то и Георгием жалован.

(Доверительно понижает голос.) Мне сказывал, что после баталии тот крест не кто иной, как сам фельдмаршал ему на мундир вешал!

АННА СЕМЁНОВНА. И это атаманство у него тоже со школы. Мальчишки соседский сад обтрясут или поле гороховое потопчут – к кому сразу с претензиями идут? Ко мне. На него жалуются. Кому ж, как не ему, пацанов за яблоками, за горохом подбивать...

Между авансценой и залом возникает конструкция, напоминающая окно. Анна Семёновна подходит к этому окну, вглядывается сквозь него куда-то далеко-далеко…

АННА СЕМЁНОВНА. Я уж потом и не удивилась, когда он объявил, что военным стать хочет. С его характером – только и командирствовать.

Пауза.

Только вот матери-то каково? Я ж его взрослым толком и не видела. То он на полевых сборах, то на учёбе, то на войне… Хоть бы писал почаще…

Рядом с окном Анны Семёновны появляется ещё одно. К нему приближается Александра.

АЛЕКСАНДРА *(сквозь окно – куда-то вдаль)*. Да… Писать он точно – не того… Не очень из Майора писатель… Не Максим Горький, не Демьян Бедный… Для него боевое донесение на полстранички составить – и то мука мученическая. Всё меня просил… Вот и сидишь ночью у коптилки, карандашом по бумаге водишь…

«За минувшие сутки подразделение продвинулось на пять километров в северо-западном направлении, основные силы закрепились на рубеже “водокачка – террикон”. Потери: шесть человек убитыми, десять ранеными. Обеспеченность боеприпасами: семьдесят процентов…»

Или другое…

«За личную стойкость и проявленную при захвате плацдарма инициативу прошу представить к ордену Славы третьей степени командира расчёта ПТР младшего сержанта Никешина В.В. Персональную характеристику и ходатайство заместителя по политчасти прилагаю…»

Но хуже всего, когда такое…

«Уважаемые Нил Петрович и Евдокия Герасимовна! Командование войсковой части сообщает, что при форсировании водного рубежа ваш сын пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины. Память о вашем героическом сыне навсегда сохранится в сердцах его боевых товарищей…»

На авансцене появляется третье окно. К нему приближается Акулина.

АКУЛИНА. Да что там говорить, что говорить… Плоше того нету – когда молоденьких солдатиков убивает. Принесут его сердешного, по-

ложат под хоругвями полковыми. Майор подойдёт к нему, в лицо взглянет, честь отдаст, а после слово сугубое скажет. Предаём, мол, земле воина, который не посрамил штандартов наших, славой овеянных, верой да правдой служил Государю и Отечеству… А убиенный солдатик лежит, что твой херувимчик: тихонький такой, кроткий – будто спит. *(Вытирает кончиком платка глаза.)*

А ты стоишь и думаешь: а ведь у него, небось, матушка где-нибудь осталась, батюшка опять же… Ждут ведь… Братья-сёстры, небось…

АЛЕКСАНДРА *(её рука ложится на живот)*. Жена…

АКУЛИНА. И супруга, да… *(Погладив свой живот.)* Может статься, и детки…

Женщины некоторое время молчат. Каждая, вглядываясь в собственное окошко, думает о чём-то своём.

Акулина первой нарушает молчание, она затягивает грустную протяжную песню. Но песня у неё не ладится, а Анна Семёновна с Александрой запев не подхватывают. Очень быстро песня обрывается.

АКУЛИНА *(вздохнув)*. Ежели он на почтовых, то вскорости заявиться должен. Почтовые лихо скачут. Ну а уж коли на перекладных доведётся… С перекладными может и до завтрева не приспеть. Известное дело: перекладные лошади – они ж морёные, худосправные. Влачатся едва-едва.

АЛЕКСАНДРА. Ну тайга, ну тундра... Ну ночь полярная! Ты б его ещё на собачьих упряжках… Двадцатый век на дворе! Пароходы, автомобили, паровозы для кого существуют? Да Майор, скорее всего, литерным поездом едет. Литерные вообще без остановок шпарят, все мелкие станции насквозняк проскакивают. Если он сюда литерным, то уже сегодня в Завьялово прибудет. А там какую-нибудь полуторку попутную поймает – и к нам.

(Смотрит на часы на своём запястье.) По расписанию час назад литерный должен был в Завьялово остановиться.

АННА СЕМЁНОВНА *(кивает на её часы)*. Может, они у тебя это самое?.. А, Саша?.. Может, спешат – часы-то?

АЛЕКСАНДРА. Эти не спешат, мама. И не отстают. Немецкое качество. Их Майор лично с убитого лётчика снял, когда ихний сбитый штурмовик перед нашими окопами упал. Снял – и мне подарил. Застёгивает он такой ремешок на моей руке и говорит: носи, Шура, не снимай. Всегда и везде, говорит, обо мне помни.

Александра бросает победоносный взгляд на Акулину.

АКУЛИНА *(насмешливо покосилась на часы)*. Эка важность – цацка со стёклышком! Была б хоть с финифтью… У меня таких с полсундука – всё он, всё Майор надарил.

Подходит к сундуку, хлопает по крышке.

Сукна одного баварского – полштуки, ситцу лифляндской мануфактуры – аршина четыре… А бусы… А серьги-перстеньки всякие… А кружевные полушалки с платками узорчатыми – им и счёту нет. А когда мы только-только в земли супостатовские вступали, так Майор мне зеркальце с гребнем пожаловал!

Скрещивает руки на груди и высокомерно смотрит на Александру. Та хочет что-то возразить, но в спор вмешивается Анна Семёновна.

АННА СЕМЁНОВНА. Да ладно вам, сороки, растрещались тут… Я вот чего боюсь: а вдруг мы напрасно ждём? А если не приедет он? Может, ошибка какая? Может, напутали в домоуправлении?

АЛЕКСАНДРА. Да что вы, мама! Госучреждение всё-таки, разве могут там напутать? Они ж не сами придумали, им из военкомата сообщили… Мне в домоуправлении как сказали? Сказали, что им лично заместитель военкома звонил, адрес наш уточнял. Мол, встречайте, прибывает к вам сегодня человек прямо с театра военных действий… Раз к нам – и с театра, то кому, как не Майору, быть?

АКУЛИНА. Да и я тоже… И у меня такой же расклад выходит. Я намедни на картах раскинула, так на то и выпало: король треф поверх семёрки крестовой лёг, а сбоку рядом – все четыре дамки примостились. Вот и не верь после того гаданиям… Это ж хоть как толкуй, а одно получается: для Майора – дальняя дорога, аккурат к нам, к дамам. Карта, маменька, не солгёт!

АННА СЕМЁНОВНА. Так нас-то трое… А дам, говоришь, четыре выпало.

АКУЛИНА *(поспешно)*. А четвёртую, маменька, можно в расчёт и не забирать. Бубновая дамка уж после затесалась, когда я на другой раз перегадывала. Истинный бог: бубновая масть – она шальная, неверная… И тьфу на неё, на бубновую!

(Пожимает плечами.) Кота Ваську опять же взять… Так с утра морду себе намывал, так намывал… К гостю – примета верная.

Из-за кулис – в той стороне, где находится кухня – раздаётся резкое громкое шипение, оттуда вырываются клубы пара. Женщины ахают, машут руками, гомонят… Слышны возгласы: «А картошка… Девочки, про картошку-то забыли!», «Ой мы непутёвые, кастрюлю на плите оставили!», «Ах я клуша неспохватливая!», «Растяпы мы, разявы мы какие!»…

Анна Семёновна и Акулина бросаются на кухню. Александра остаётся в комнате.

АЛЕКСАНДРА *(подходя к своему окну)*. Ну, здравствуй, мой милый, мой любимый товарищ Майор. Ты ведь так просил к тебе обращаться – по уставу, по форме. Не всегда, конечно, а когда кто-то рядом… Хотя все всё про нас знали – и бойцы, и офицеры… Но ты всё равно… Ночью в землянке мне ласковые слова шептал, нежные, а днём, при всех… «Докладывайте, товарищ санинструктор», «Выполняйте, товарищ санинструктор»… «Есть, товарищ Майор»... Смешно.

Хотя, какой уж тут смех, если подумать… Кто я тебе? Обычная банальная походно-полевая жена. ППЖ, утеха между боями. Таких в действующей армии сотни, тысячи… Но ведь случилось же… Встретились же… Именно ты, именно со мной. Произошло ведь это как-то с нами…

Иногда думаю: а что было бы, если б ты тогда в наш прачечный батальон не приехал? Или вместо тебя появился бы кто-нибудь другой... И так страшно от этой мысли становится! И гоню его от себя – этот вопрос... Ведь тогда бы я не встретила тебя, мой нежный, мой суровый, мой единственный Майор.

Я ж на фронт – по комсомольскому призыву. Понятное дело: вместе со всеми в диверсионный отряд просилась, чтоб радисткой или разведчицей – как Зоя Космодемьянская. А меня вместо диверсионного отряда – в БПР, в банно-прачечную роту. С утра до поздней ночи кипятишь в котлах солдатское исподнее, гимнастёрки, штаны, отстирываешь кровь, мазут, сажу. Если в наряде – воду в бак вёдрами таскаешь, дрова в огонь подкидываешь, щёлок разводишь. Потом полощешь, полощешь в ледяной воде, отжимаешь, развешиваешь… К концу дня ноги не идут, руки не разгибаются, с пальцев ногти от щёлока слезают… Каждый день одна и та же мысль в голове колесом вертится: до вечера б только продержаться, полкотелка каши в палатке умять – и спать, спать, спать… И тут – ты! *(Закуривает.)*

Высокий, подтянутый, весь в ремнях. Сапоги начищенные, планшетка сбоку… Ты тогда за обмундированием к нам приехал. Пригнали к тебе новобранцев, а формы на всех не хватило – вот и завернул в ближайшую БПР за брюками, кальсонами, за гимнастёрками и ватниками...

А наш старшина ни в какую: нету, говорит, лишней обмундировки, товарищ командир, всё распределено. Ты и взвился, за грудки старшину: да мне, вашу Машу, так и растак, завтра в бой, а красноармейцы кто в чём. Вынь да положь мне тридцать комплектов! И уже к кобуре за ТТ тянешься… Не стал старшина судьбу испытывать. Подозвал меня, дал лопату. Иди, говорит, Шурка, с товарищем майором в балку, откапывайте – которое мы там зарыли. Ну и поясняет тебе: мы шинели, нижние рубахи да гимнастёрки, что с убитых снятые, землёй на несколько дней присыпаем. Мёртвый дух – он стойкий, его никакой стиркой не возьмёшь, никаким мылом или там кипячением… А землица – пожалуйста, землица всё вытягивает, в себя забирает. *(Несколько глубоких затяжек.)*

Так и познакомились… Ты мне копать не дал, сам лопатой орудовал, сапоги свои щегольские хромовые в глине увазюкал… Пока работал, про себя рассказал, про свой батальон… Про мою жизнь расспросил… А потом и говоришь: давай ко мне, Шура, чего тебе здесь киснуть, красоту свою щёлоком губить? Подумай… А я долго не думала. В БПР – паёк полуголодный, ежедневная бабская ругань, ладони от горячей воды распухшие. А там – настоящая война и мужчина, которому я нужна. Чего думать-то было? Помогла узлы с формой в машину закинуть – и сама следом в кузов прыгнула. *(Короткая пауза.)*

Так вот я и стала санинструктором при батальоне. А на деле – при тебе… За это время всякого повидала, всякое было. И драпали мы вместе, и в рейды ночные ходили, и в разведку боем, и в наступление… Ты всё на передке, а я раны бойцам бинтовала, шины накладывала, спиртом руки-ноги обмороженные растирала, донесения вместо тебя писала… Подворотнички тебе пришивала – ты любил… Любишь, чтобы подворотничок всегда свежий. Ну а потом вот это… *(Осторожно трогает живот.)*

Я сначала знаешь, как струсила! Хотела избавляться, уже с медсанбатовскими за трофейный портсигар и вальтер в придачу договорилась… И тут ты обо всём догадался. Отматерил, по щекам даже отхлестал. Рожай – и точка! Сына, сказал, мне роди. Обязательно сына... Ну и сюда меня… *(Оглянулась.)*

К матери своей меня отправил. Она, сказал, тебя как дочь родную примет. А я, мол, приеду, обязательно приеду, ты жди только. *(Всматривается в окно.)*

А как иначе, товарищ Майор? Конечно, дождусь. Обязательно… Ты только воюй там как следует, не жалей гадов. И патроны не экономь. Тогда война быстрее кончится, тогда ты скорее вернёшься – вот и увижу тебя. *(Пауза.)*

Может, даже сегодня увижу… Тебе, наверно, отпуск дали. За храбрость – ты ведь такой у меня… Или по ранению… Ну, даже если и по ранению, всё равно хорошо! Я ведь санинструктор, я про раны боевые всё знаю. И про то, как за выздоравливающими ухаживать, – тоже лучше других... Со мной у тебя любой рубец быстро заживёт. Со мной ты мигом поправишься. *(Затягивается папиросным дымом)*

Даже если ты без руки или без ноги… Неважно… Приезжай… Милый, родной, близкий мой товарищ Майор… Возвращайся.

В комнате снова движение, входят Акулина и Анна Семёновна. В руках у Анны Семёновны блюдо рассыпчатой, исходящей паром картошки.

АННА СЕМЁНОВНА. Вот ведь канарейки легкомысленные! Зачирикались, замечтались, а о кастрюле на плите забыли совсем.

АКУЛИНА. Вороны, как есть вороны. Вода, почитай, вся выкипела. Ещё б самую малость – и пропала бы картошка, сгорела бы.

АННА СЕМЁНОВНА *(ставит блюдо на стол)*. Вовремя спохватились, услышали… Но всё равно – разварилась немного.

(Присматривается к Александре.) Да ты никак опять за папиросу? Сашенька, я же просила…

АКУЛИНА *(примирительно)*. А и ничего… Иной раз – и пускай себе… Я люблю, когда в избе дух табачный. Чуешь дым, и мнится тебе, будто мужчина в доме.

Анна Семёновна забирает из рук Александры окурок, бросает его в печку.

АННА СЕМЁНОВНА. Если в домоуправлении не напутали, скоро будет нам тут и мужчина. Ну-ка, девочки, посмотрите зорким глазом, может, ещё чего на столе не достаёт?

АКУЛИНА. Вестимо, чего недостаёт, маменька. Двух шкаликов не хватает. Майору бы, как водится, бутылку с горькой водочкой выставить – с крепкой, мущинской. А нам, стало быть, как бабам – со сладенькой.

АННА СЕМЁНОВНА. Да за этим дело не станет. Припасено давно – как раз для такого случая. Вон, на кухне, в верхнем шкафу – пшеничная. Сама за ней ходила, выбирала... Он же пшеничную любит.

АКУЛИНА. Неправда ваша, маменька. Анисовую он уважает. Сколь раз бывало: только мы на бивак, Майор сразу меня да денщика своего Мартына конопатого кличет. И распоряжение, значит, нам даёт: мне огонь разводить, кулеш пожирней варить, а Мартыну – в обоз шуровать, за анисовкой.

АЛЕКСАНДРА. Ага, ага... Приснилось тебе? Да я полтора года на фронте – что-то ни разу никакой анисовой там не встречала. В лучшем случае наркомовскую в бидонах привезут, да и то на дивизионных складах разбавленную. Так Майор положенную ему сотку никогда не пил, бойцам свою порцию отдавал. А сам – только спирт. Исключительно. Мы в санбате спирт доставали, на трофеи меняли.

АКУЛИНА. Обижаешь, любезная. Как перед святой иконой говорю: анисовую он... Мартын в обоз проскачет, с маркитантами потолкует – и на тебе шкалик. Под горячий кулеш чарка анисовки – самое расчудесное дело!

АЛЕКСАНДРА *(раздражённо)*. В бреду, что ли, тебе эта анисовка привиделась? Да после дневного марша, да по распутице, да ещё под обстрелом, тебя только спирт в чувство приведёт. Махнул грамм пятьдесят – и душа сразу замурлыкала.

(Уже спокойнее.) Вечером в деревне какой-нибудь остановимся, посты выставим – все старшие офицеры сразу в нашу избу. Достанет Майор свою заветную фляжку, колпачок открутит, разольёт по кружкам... И первый тост – всегда сам: за скорую победу, за товарища Сталина, за полную погибель проклятых оккупантов! Выпьет – и сразу тянется к казбечине... У него в запасе всегда «Казбек» был. *(Достает свою пачку.)* Такой вот, московский. Это ж я у него... От Майора у меня к «Казбеку» привычка.

АКУЛИНА. И ничуть того не бывало! Ты сама, ластонька моя, видать, запамятовала. Трубку он курил… Курит, то бишь… Трубочка у него ещё такая деревянная, голландской работы – резная вся. А в кисетной сумке – завсегда с полфунта табаку с собой, тоже голландского. Ох и злой табачище! Майор мне раз для смеху затянуться велел, так я потом до вечера отчихаться не могла.

АЛЕКСАНДРА *(едва сдерживаясь)*. Мама, вы слышали? Нет, вы слышали?.. Это она специально так говорит, нарочно. Чтобы меня из себя вывести!.. Ей про «Казбек» – она про трубку, ей про спирт – она про анисовку какую-то ветхозаветную... Это, мама, она для того, чтобы меня до белого каления довести, чтобы по нервам больнее. Знает ведь, что я контуженная, взрывом в блиндаже заваленная. Знает, что сорваться могу в любой момент.

АННА СЕМЁНОВНА. Девочки, девочки, да вы что? Зачем вы это?.. У нас сегодня день такой, а вы... Как маленькие, в самом деле, из-за пустяков. Какая разница: трубка, папироса, спирт, анисовка... По мне – так уж лучше бы всего этого вообще не было. От алкоголя да от табака – зло одно.

АКУЛИНА. Истинно так, маменька! В нашей деревне до смертоубийства сколь раз доходило, как мужики лишку в кабаке хватят. За топоры, за вилы да за косы с пьяных глаз брались. Дворовые и те разнимать их робели, барыня для усмирения с уезда жандармскую команду вызывала. *(Сокрушённо качает головой.)* А на войне – и того туже. У нас в соседском полку простой унтер по пьяному делу ротмистра до смерти зарубил. Тот ему, значит, замечание по службе, а этот бесстыдник – за тесак тотчас!

АЛЕКСАНДРА. Что говорить, бывает... Такой герой, особенно если при больших звёздах, нальёт шары и давай куражиться-изгаляться, власть показывать... Помню, отходили мы. Только оторвались от противника, к вечеру у плотины встали, окопались, сапёры мины поставили. И тут полковник со штаба армии на «виллисе»... «Бежите, драпаете, фронт, вашу Машу, оголяете!? Да я вас, паникёров... Да я вас под трибунал!.. В ружьё! В атаку!» А куда в атаку на ночь глядя? Там же не видать ни зги, там минное поле. Только полковнику до фени. Глаза красные, как у борова, перегаром от него за полверсты. Машет пистолетом: «В атаку, суки! Вперёд!»

АННА СЕМЁНОВНА. И что же? Пошли в наступление?

АЛЕКСАНДРА. А куда денешься? Полковник же, из штаба же. С ним автоматчики-мордовороты. Пошли... Точнее, не мы пошли, а штрафники с приданной роты. Половину личного состава они на том минном поле ни за хрен собачий оставили. Вообще зазря людей положили. *(Закуривает.)*

Ну, это я, конечно, так, для примера. Нехарактерный, кстати, пример... На войне ничего зря не бывает, там всё одной-единственной цели подчинено. Великой цели. Победе. И если в тебя вражеская пуля попала, значит, у противника уже на одну пулю меньше стало. Если ты в атаке на мину наступил, то товарищ твой, который сзади, целый остался. Дальше товарищ побежит – к победе. Вместо тебя и благодаря тебе... Нет, там ничего зря не случается.

Анна Семёновна подходит к Александре, осторожно прикасается к рукаву её гимнастёрки.

АННА СЕМЁНОВНА. Скучаешь?.. Тоскуешь?.. По тому времени, по тем отношениям тоскуешь?

АЛЕКСАНДРА. Да... Тяжело, мама... Днём за делами, за суетой не так как-то... Забываешь… А вот вечером... Бывает, так защемит, так узлом здесь закрутит... *(Трогает гимнастёрку – там, где медаль.)*

Знаешь ведь: они сейчас там, под осколками, в снегу по пояс, последние сухари, может, делят. А ты здесь, в сытости, в тепле и достатке. И главная у тебя проблема – что картошка переварилась да салфетки не в тон скатерти. Они в мёрзлых траншеях, а ты тут на кровати, с бельём, с подушками в рюшечках... Ладно бы калека была, по ранению, по инвалидности вернулась. А то ведь... *(Смотрит на живот.)* Вот ведь почему всё это... Вот ведь из-за чего... Это как, мама? Справедливо это?

АКУЛИНА. А я тебе таким порядком обскажу, Ляксандра Батьковна: наша долюшка бабья. Раз и навечно установил создатель порядок: мужчинам ратное дело справлять, торговать, крестьянствовать или по наукам там... А нам, бабам, рожать.

(Вздыхает.) Мне тоже, может, иной раз ночной порой примнится, будто я в кибитке походной в обозе за Майорским полком привычным порядком следую. Будто с лабазниками за каждую голову сахару торгуюсь, с Мартыном конопатым лаюсь да ввечеру мундиры офицерам латаю, кивера им с эполетами чищу. А проснусь, слёзы утру – и думаю себе: небось, промысел господний – он разумней прихотей наших. И более проку будет, ежели мне не в телеге по степи трястись, а здоровенького да пригожего сынка Майору родить. Вот нарожу, окрещу и Симеоном нареку – как он велел.

АЛЕКСАНДРА. Каким ещё Симеоном? Сим его будут звать. Мы с Майором так решили: Социализм-Интернационал-Маркс. Сим.

АКУЛИНА. Господь с тобой, родименькая, подобного имени ни в одних святцах не отыщешь. Симеоном – в память праведного Симеона Верхотурского.

АЛЕКСАНДРА. Чего-о?.. Какого ещё Верхотурского? Какого праведного?.. Ты мне эти поповские бредни брось. Сказала – Сим, и никаких!

АКУЛИНА *(необычно твёрдо)*. Нет, Симеон будет. Симеон.

АЛЕКСАНДРА. Да такое старорежимное имя ни в одном загсе не зарегистрируют. Сим, только Сим, сказала же!

АКУЛИНА. Не знаю я никаких Симов, сроду такого православного имени не слыхивала… Симеоном сыночка назову!

Между женщинами вот-вот вспыхнет нешуточный скандал. В спор поспешно вмешивается Анна Семёновна.

АННА СЕМЁНОВНА. Ну чего вы тут раскудахтались, как клуши из-за насеста? Подеритесь ещё, животами потолкайтесь. Не знают они, как сына назвать. Ну а если девочка родится? Что тогда?

АЛЕКСАНДРА. Нет, мама, сын. Майор сказал, что сына хочет, значит, мальчик…

АКУЛИНА *(убеждённо)*. Всенепременно мальчишка народится! Я, маменька, примету знаю. Ещё бабка моя сказывала: ежели брюхо огурцом топорщится, стало быть, мальчонку жди, а уж коли репкой – девка случится.

Акулина с явным чувством превосходства гладит живот. Александра машинально тоже кладёт руку на свой живот, смотрит на него, пытаясь определить: репкой он у неё или огурцом.

АННА СЕМЁНОВНА. А мне вот кажется, что он и девочке был бы рад. Что в девочке плохого? Девочки – они послушные, ласковые, по чужим огородам не шастают. И рядом всегда, не уезжают от тебя.

В комнате вновь возникает долгая пауза. Каждая из женщин думает и молчит о чём-то своём.

Молчание нарушает голос Акулины – она снова пытается завести свою протяжную песню. Однако её пение скоро обрывается, остальные женщины куплета не подхватывают.

АННА СЕМЁНОВНА. И всё-таки неспокойно мне как-то, тревожно… Саша, а ты точно всё поняла? Ну, про приезд?

АЛЕКСАНДРА. Говорю же, мама: из домоуправления звонили, я лично с ними разговаривала... В четверг, сказали, ждите. Сегодня ведь четверг?

АКУЛИНА. Четверг, четверг. Аккурат великий праздник – день святомученика Пантелея Постника.

АЛЕКСАНДРА *(досадливо машет рукой)*. Да у тебя таких праздников больше, чем дней в году. Вот если бы Майор в самом деле приехал, вот это был бы праздник так праздник!

АННА СЕМЁНОВНА. Если бы, если бы… Боюсь, как бы не напутали они там в домоуправлении. Им из военкомата могли одно сказать, а они нам… Видели б вы, какие там вертихвостки сидят.

АЛЕКСАНДРА. Да нет. Со мной мужчина разговаривал. И немолодой, судя по голосу.

АННА СЕМЁНОВНА. Если мужчина, значит, это Николай Ефремович, он у них по начислениям. Или Рифкат Мирхатович, этот по водопроводной части. *(Пауза.)*

Может, нам самим позвонить?

АЛЕКСАНДРА. Куда?

АННА СЕМЁНОВНА. В домоуправление. Уточнить, расспросить… Вдруг ты что-нибудь упустила, не расслышала.

АЛЕКСАНДРА. Да всё я расслышала, мама, всё поняла. Впрочем, если хотите… Давайте позвоним. Номер знаете?

АННА СЕМЁНОВНА. Домоуправления-то? Знаю, знаю, 33-79 у них номер. Там ещё добавочный есть, у меня на календаре в прихожей записано…

Продолжая обсуждать этот вопрос, Александра и Анна Семёновна покидают сцену. В комнате остаётся Акулина. Некоторое время она молча стоит у стола, затем подходит к своему окну.

АКУЛИНА. Вот уж и к закату солнышко, садится… Вскорости месяц появится – поярче бы светил, дорогу тебе указывал… Где ты, сокол мой разлюбезный? Знала бы, сама б навстречу побежала, на крыльях полетела… Ох, сколько слёз горючих я пролила, в это окошко глядючи! Всё тебя выглядывала, дожидалась… Неужто, дождалась? Неужто, сегодня приедешь?

(Тревожно.) А ну как приедешь – и не глянешь на меня? А глянешь, так скажешь: до чего ж ты, Акулька, постарела! Где румянец твой? Где бровь смоляная? Где волос твой шелковистый?.. А тут ещё и брюхо… *(Задумывается.)*

Нет, не скажешь. Не таков ты, Майор. Ты мужчина уважительный, ласковый, обходительный… *(Умиляется нахлынувшим воспоминаниям.)* Я ж тебя, орёлик мой, с первоначального взгляда от всех прочих отделила. И не знаю, чего нашла в тебе: и не самый ты осанистый, не самый приметный, и мундир у тебя не новый, галунами да шитьём не богатый. А поди ж ты… Как взглянул на меня, так будто взваром горячим плеснул.

Ты, раскрасавица, меня спрашиваешь, стряпаешь хорошо? Изрядно стряпаю, ваше благородие, отвечаю, господа не жаловались. А сама очи долу, маковым цветом зашлась вся, дыхнуть боюсь. Ну а коли так, смеёшься, то поступай к нам в обоз, кашеварить заместо Афанасия, коему давеча шрапнельным снарядом руку по самый локоть отхватило. Не заробеешь?

А чего мне было робеть? Деревню нашу супостат окаянный дотла спалил, родни никого, барыня с управляющим уехали – ищи их днём с огнём… Вот и поступила. Стряпала на всю ватагу, бельё стирала, онучи штопала. Ну а после… После ты самолично к нам в обоз наведываться стал. То кулёк сушёной вишни в гостинец принесёшь, то клюквы мочёной, а иной раз – и конфект в бумажках, у неприятеля отбитых. Я по первости жеманилась, отворачивалась, а потом… Потом – ничего… Через две недели к тебе в палатку перебралась.

(Улыбается.) Уж как меня твой Мартын за это бранил-костерил, какими поносными словами называл – то содомный ужас! А чего дивиться? Ему ж после моего переезда в солдатскую кибитку уйти пришлось. Но ничего, смирился служивый. Ну а как толечко он мои щи из потрохов попробовал, так и вовсе помягчел сердцем. Кумой величать стал.

(Помолчав.) Срамная я, видать, баба. Как есть срамная – а сказать не совестно. И вспомнить не совестно: про любовь нашу жаркую и про слова, кои я тебе в палатке по ночам шептала. А уж про то, что мы вместе с тобою перетерпели, – тем паче не совестно. И замерзать зимой в буранном поле замерзали, и голодать без корки хлеба голодали, и батареи супротивника по нам так садили, что головы не поднять… Однако ж живы остались, и ни холод, ни глад, ни пуля мушкетная, ни ядро калёное нас с тобой не разлучили.

А уж чего я вынесла, когда ты с командой в бой бросался!.. Сидишь в обозе, а за рощей сражение громыхает. Слушаешь, как единороги да трёхфунтовые там бабахают, – и озноб тебя до микиток забирает. Не от стужи и ветра трясёшься, не от страха – от заботы о тебе, милый мой. Знаешь ведь, что сей миг ты со своими молодцами либо от кирасиров отбиваешься, либо редуты в штыки берёшь. И молишься, и молишься целый день за тебя – и Царице Небесной молишься, и Николаю Угоднику, и Святому Серафиму… Чтоб оборонили тебя от беды. Чтоб сберегли, чтоб в обиду не давали. *(Крестится.)*

А ввечеру вернёшься ты в табор наш, мундир пропотевший скинешь, мне в штопку отдашь. А я примощусь в палатке в уголке, сижу, чищу мундир, прорехи на нём латаю – и нарадоваться не могу. Гляжу на тебя украдкой, как ты окрошку с капустой квашеной наворачиваешь, как варенухой запиваешь, как усы обтираешь, и слёзы у меня сами собой текут, текут… Ты чего-нибудь спросишь, а я и ответить не в силах, слова, как кони стреноженные, в горле путаются… Вот такая я у тебя колода осиновая, неотёсанная.

(Улыбнувшись.) А ты всё одно не серчал на меня. Понимал небось, отчего я такая тебя встречаю. Весело так подмигнёшь мне из-за стола да озорную шутку какую-нибудь скажешь. А потом зачнёшь припоминать, как вы неприятеля гнали, какие штандарты у лихоимца захватили да сколько бусурман за день в полон взяли… А после – стакан варенухи мне поднесёшь, обоймёшь крепко, да песню мы с тобой споём. Любили мы вместе-то, песни-то… Помнишь, сколь перепели вдвоём?.. А сколь вёрст мы вместе, голубь мой, отмеряли! От матушки-Москвы до самого ихнего холодного моря с боями дотопали. И дальше бы я с тобой пошла, да вот незадача… Сподобило же… *(Гладит живот.)*

Как ты только ты проведал об этом деле, тотчас же собираться велел. Негоже, сказал, тебе, Акулина, в походной кибитке сына рожать да пестовать. Вот тебе подвода, вот тулуп, гостинцы, денег пятьдесят рублей серебром – и поезжай прямиком к матушке. Она тебя приютит, примет. Ой как голосила я тогда, ой как я тужила, как слезьми обливалась! Моченьки не было от тебя уезжать. Да куда ж денешься? Куда в походе с таким бременем? *(Вытирает глаза.)*

Уехала. Вот теперь у матушки твоей. Ничего, хорошо приняла, породственному, грех пенять. Ничем меня не обделяет, по хозяйству всё сама, всё сама старается… Однако ж – тоска нет-нет да и возьмёт. Вспоминаю тебя каждый божий день и молюсь о тебе – и утром молюсь, и перед обедом. И как почивать ложиться – тоже молюсь. Оборонил бы тебя Илия Пророк от всякого ратного лиха, от глаза дурного, от болезни худой. А засну – всё одно тебя во сне вижу. Как ты домой приходишь, как обнимаешь меня, как целуешь, усами своими колешь. И будто даже слова твои лестные слышу. Ну да уж ладно, и без слов бы ничего… И без слов можно, не раскисла бы… Только б вернулся. Только бы краем глазка тебя… *(Пауза.)*

Неужто сегодня? И желаю поверить – и не могу. Боюсь… Помолиться надо, как следует помолиться. И свечку поставить…

Акулина отходит от окна к стене, прилаживает на полку небольшую иконку, зажигает свечку. Акулина смотрит на икону, что-то шепчет, крестится…

В комнату возвращаются Анна Семёновна и Александра.

АЛЕКСАНДРА. Ну, что я вам, мама, говорила? И зачем только звонили, людей от работы отвлекали. Они то же самое нам пересказали, слово в слово: сегодня вечером прибывает. Скорее всего, литерным поездом до Завьялова, а там попуткой. В Завьялове же элеватор, там грузовиков много ходит, подсадит кто-нибудь. Как такого героя-фронтовика не подвезти – в форме, при орденах?

АННА СЕМЁНОВНА. Да, да, при орденах… Но знаешь, Сашенька, мне почему-то показалось, что как-то не очень уверенно в домоуправлении о его приезде сказали. Неопределённо как-то, в общих чертах…

АЛЕКСАНДРА. А им-то что с того, что к нам Майор приезжает? Им-то какая радость? Сейчас много с фронта едет. Позвонили им из военкомата – они и передали нам телефонограмму в двух словах. На кой им вникать?

АКУЛИНА. Ну так как? Что выведали? Приезжает? Сегодня ждать?

АННА СЕМЁНОВНА. Сегодня, родная, сегодня. Тут главное, чтобы поезд вовремя…

Анна Семёновна выразительно смотрит на часы на руке Александры.

АЛЕКСАНДРА *(снимает часы с запястья, заводит их)*. Да всё нормально, мама, не спешат они. Говорю же – немецкое качество… *(Кладёт часы на стол.)*

Лишь бы поезд не задержался. Но литерные редко опаздывают, их через узловые по первой категории пропускают.

(Замечает иконку и горящую свечу.) А это ещё что такое? Что за иже еси на небеси?..

АКУЛИНА. Образок Николая Чудотворца. Известное дело: он во всякое время путников оберегает, домой их коротким путём направляет. Никола – он для ратных да путешествующих людей первый заступник.

АЛЕКСАНДРА. Нет, мама, вы видели? Вы слышали это?.. Я говорила вам – нарочно она. Специально. Чтоб в гроб меня – не мытьём, так катаньем. Это же чистой воды религиозная пропаганда!

АННА СЕМЁНОВНА *(примирительно)*. Да что ты, Сашенька… Какая это пропаганда? Иконка и свечка – кому они мешают?

АКУЛИНА. Никому не мешают, а иным наоборот весьма даже способствуют. Особенно тем, которые в дальнем странствии находятся, которые домой поспешают.

АЛЕКСАНДРА. На слезу давишь? Да ты меня за идиотку полную держишь? Затеплила старый огарок, возле картинки его пристроила – и чуда ждёшь? Думаешь, Майор сюда мигом на ковре-самолёте примчится? Ты, Акулина, эти древнегреческие мифы, эти сказочки дядюшки Римуса, это своё вредительство библейское – брось! И мне голову не морочь, и другим в моём присутствии не позволю. Я же по комсомольскому набору… Я ж на фронте в партию заявление хотела… Я на передовой полтора года – без всяких там твоих иконок и свечек!..

Александра делает попытку подойти к полке со свечой и иконой, однако Акулина решительно встаёт на её пути.

АКУЛИНА. А я не для себя свечку. Я для него. Майор мне сам наказывал, когда прощались: молись, говорит, за меня, Акулина, почаще молись. Коли молитва горячая да от сердца идущая – она до Бога непременно доходит.

АЛЕКСАНДРА. Ты чушь-то не пори! Не мог Майор такое… Там, на фронте, на всех одна молитва: вперёд, к победе, до последней капли крови!.. И эту молитву не в углу перед иконкой читают, а у бруствера, с винтовкой.

АКУЛИНА. Это мне не ведомо. Только на прощание я Майору ладанку подарила. Была у меня ладанка – махонькая такая – с мощами Паисия Блаженного. Так Майор самолично ладанку эту из рук моих принял и себе на шею привесил.

АЛЕКСАНДРА *(яростно)*. Брешешь! Как собака паршивая брешешь. Не мог он… Да никогда! Ни за что не поверю! Тебя за провокацию, за слова такие к стенке надо. Разговор короткий… Ладанка, Паисий!.. Да ты всё это нарочно… Знаешь, что я… Знаешь – и специально…

Александра с силой отталкивает Акулину и бросается к полке со свечой. Секунда – и свечка с иконой уже сброшены на пол.

Первая реакция Акулины – шок. Но испуг быстро проходит, и вот Акулина уже у стола, на котором лежат часы Александры. Акулина хватает часы, с силой швыряет их на пол и топчет, топчет, топчет…

АКУЛИНА. Вот тебе, вот тебе, вот!.. Еретичка толстобрюхая, короста бесноватая, вавилонская ты блудница!.. Это же грех, грех великий… Не простится тебе – за образок, никогда не простится… Вот тебе, ехидна, получай, вот, вот!..

Анна Семёновна мечется между женщинами, не зная, как погасить пожар.

АЛЕКСАНДРА. Ты что наделала, мерзавка? Это же его… Он часы подарил… Он за ними – на нейтралке, под пулями…

Сначала Александра бросается спасать часы, но от них уже мало что осталось. Следующий её порыв – к сундуку Акулины. Откинув крышку, Александра начинает лихорадочно выбрасывать из сундука вещи: платья, платки, полотенца. Некоторые из них она с яростью рвёт.

Акулина метнулась к сундуку, но наткнулась на перепуганную Анну Семёновну. Всеобщая суматоха, неразбериха, ожесточение, визг, брань… Слышны выкрики: «Безбожница, грешница!», «Ах ты, трихомундия чёртова!», «Кукла стриженая!», «Контра!», «Бесстыдная сатаница!», «Гадина подколодная!», «Выдра ты облезлая!», «Кобылица неуёмная»…

На самом пике скандала раздаётся громкий стук в дверь. Женщины застывают в недоумении. Они словно парализованы этим внезапным звуком, они не знают, как реагировать. Стук повторяется. Затем – ещё раз.

АННА СЕМЁНОВНА. Да… Входите… Входите, пожалуйста. Там не заперто.

В комнату входит молодая женщина в очках. Это Анжела. Одета Анжела довольно странно: на ней камуфляжные пятнистые штаны, заправленные в армейские берцы, джинсовая курточка со стразами. Курточка недвусмысленно топорщится над её животом. В ушах у Анжелы наушники от телефона. Через плечо – дорожная сумка.

АНЖЕЛА *(вынимая из ушей наушники)*. Здравствуйте… Добрый вечер… Это ведь Старосадовая, дом 45? Правильно? А то там темно, как у негра… Табличек на домах вообще не разобрать.

АННА СЕМЁНОВНА. Да, верно… Старосадовая, 45.

АНЖЕЛА *(снимает с плеча сумку)*. Кул… Значит, не обманул таксист. Получается, я к вам. Меня Анжела зовут. (*Осторожно переступая через разбросанное тряпьё, подходит к накрытому столу.)*

Ого-го! Да у вас тут пир горой, банкет настоящий. Клёво… Картошка, колбаска, пирог даже… А с чем пирог?

АКУЛИНА. С рыбой. Рыбный пирожок – краснопёрка да леща малость.

АНЖЕЛА. С рыбой? Жаль, я рыбу не очень. Кости там… Лучше бы с капустой был.

(Оборачивается к Анне Семёновне.) Анна Сергеевна?

АННА СЕМЁНОВНА. Анна Семёновна.

АНЖЕЛА. Ой, да, извините… Вечно я… Конечно, он же говорил – Семёновна.

АЛЕКСАНДРА. Кто – он?

АНЖЕЛА. Как кто? Майор, разумеется. Вам разве не звонили, что я приезжаю? Из военкомата должны были.

АННА СЕМЁНОВНА. Из военкомата? Ах, да, да, да… *(Растерянно оглядывается на Акулину и Александру – словно поддержки просит.)* Был из военкомата звонок… Точнее, из домоуправления. Правда, мы не совсем… Тут, по-видимому, путаница какая-то…

АНЖЕЛА. Никакой путаницы. Они предупредили – вот я и приехала. *(Бросает взгляд на стол.)* Выходит, это ради меня такой фуршет? Спасибочки, я действительно с дороги голодная. Представляете, вылет на три часа задержали, с погодой косяки какие-то. *(Передразнивает диктора.)* «Ваш рейс задерживается по условиям аэропорта прибытия, приносим свои извинения». Вот и пришлось куковать. А в аэропортовских кафушках сами знаете, какие цены.

(Спохватывается, заметив вопросительные взгляды женщин.) Ой, простите, забыла совсем. У меня же письмо… Сори…

Анжела достаёт из сумки конверт, протягивает его Анне Семёновне. Та машинально принимает письмо, но попыток прочитать его не делает. Все четверо стоят и растерянно смотрят друг на друга.

Конец первого действия

Действие второе

Та же комната, в ней наведён относительный порядок. Четыре героини сидят за накрытым столом, Александра – немного в сторонке. Акулина и Анна Семёновна радушно угощают Анжелу, однако в комнате всё равно незримо витает атмосфера разочарования.

АНЖЕЛА. А можно мне ещё немножко салатика? Вон того, с опятами?

АКУЛИНА. Это, голубушка, с маслятами. Сама собирала, сама солила. Вкусно?

АНЖЕЛА. Очень! Кажется, сто лет такой вкуснятины не ела.

АКУЛИНА. Ну вот и угощайся, лакомься. С дороги, как-никак… *(Качает головой.)* Тоща-то как, кости одни… И молоденькая… Дитё совсем, ангелочек!

АНЖЕЛА *(орудуя вилкой)*. Ну это вы малеха подзагнули – насчёт ангелочка. Перебор это, какой с меня ангел? Разве что имя моё на такие размышления навести может *(накладывает себе картошки)*. Кстати, мне оно никогда не нравилось. Ну что это такое – Анжела? Пошлятина, безвкусица и полный отстой… Удружили предки.

АННА СЕМЁНОВНА. Это ты о родителях своих? А где они? Живы?

АНЖЕЛА. Живы, чего им… На северах они где-то, за Полярным кругом. Сверлят что-то, бурят, добывают…

(Уловив вопросительный взгляд Анны Семёновны.) Они у меня нефтяники, они всю дорогу по вахтам, по командировкам. А я с пяти лет с бабушкой. Бабуля – она мне и за папашу, и за мамашу, и за сестру с братьями.

АКУЛИНА *(расчувствовавшись)*. Бедненькая, при живых родителях – а хужей иной сиротки… Как во поле былинка, одна-одинёшенька… Ты, милая, ещё курочки возьми, яблочков мочёных. А вот грузди солёные. Истинный Христос – ты таких ядрёных да хрустящих отродясь не пробовала.

АЛЕКСАНДРА *(реагирует на упоминание о Христе)*. Опять за своё? Ты, Акулина, можешь хоть минуту без этих своих елейностей обойтись? *(К Анжеле.)* Не обращайте внимания. Пережитки… *(Нервно барабанит пальцами по краю стола.)*

Папаша, мамаша… Всё это хорошо. Но, может, вы о главном, наконец, расскажете? О нём… Как он? Где сейчас? Новую должность ещё не получил?

АНЖЕЛА. Вы о Майоре спрашиваете? Да всё путём. Энергичен, деятелен, у руководства группировки на хорошем счету. Недавно вот командира бригады целых две недели замещал, пока тот болел *(выразительно щёлкает по горлу)*. В общем, всё о’кей.

АЛЕКСАНДРА *(к Анне Семёновне)*. Мама, вы слышали? За комбрига оставался, а это ведь полковничья должность. Молодец какой! Что скажешь – природный вояка.

(К Анжеле.) Наград, наверно, уже полный китель?

АНЖЕЛА. За спецоперацию к Мужеству представили. И за тот рейд медаль получил – ну, когда они в предгорье банду окружили. Да вы знаете, знаете… Об этом ещё большой репортаж по телеку был. Он тогда штурмовую группу лично возглавил и первым в их лагерь ворвался.

АЛЕКСАНДРА *(едва сдерживая улыбку)*. Да, это в его стиле… Похоже на него, охотно верю… Такой уж есть – всегда сам, всегда в первых рядах.

АННА СЕМЁНОВНА. А со здоровьем у него как? Не простыл? Не болеет?

АНЖЕЛА. Да что вы, Анна Степановна… Семёновна, то есть… Некогда ему болеть. С одного направления на другое без конца бросают. Там ему даже побриться-подшиться времени нет, не то что грипповать *(отодвигает от себя тарелку)*.

Но командование в этот раз твёрдо пообещало: как только укрепрайон возьмут, сразу Майора в отпуск.

АННА СЕМЁНОВНА. Неужели, вправду отпуск дадут?

АКУЛИНА. Да пора б уж. Не железный, чай, не каменный…

АЛЕКСАНДРА. Давно пора! Столько лет без передыху – по окопам… А скоро?

АНЖЕЛА. Я ж сказала – сразу, как укрепрайон ликвидируют. На днях решался вопрос о начале наступления. Скорей всего, сегодня пойдут… *(Наливает себе в чашку из кувшина.)*

Его подразделению опять самый напряжный участок достался. По центру атаковать приказано, в лоб, можно сказать. А там у них, у этих, – и доты, и мины, и рвы… Короче, жарко будет. *(Спохватилась.)* Только вы об этом никому – что сегодня наступление! Это секрет, военная тайна. Не проболтайтесь случайно.

АННА СЕМЁНОВНА. Да что ты, Анжелочка, не беспокойся. Кому мы выболтаем? Мы и не видим никого, живём тут как полярники на льдине… *(Вздыхает.)* Ожиданием да надеждой только и живём… *(Достаёт из кармана письмо.)* Вот и он тоже пишет, что здоров, не ранен… Значит, не обманывает мать. Ну и хорошо, если правда.

Анжела вопросительно смотрит на Анну Семёновну.

АННА СЕМЁНОВНА. И о тебе тоже пишет… Конечно, оставайся, живи, не стеснишь. Как дочка мне будешь. *(С улыбкой оглядывает молодых женщин.)* Есть у меня уже две дочери, ты за третью будешь. За младшую… Живи и ни о чём не думай. Как дома себя чувствуй. Будем вместе по хозяйству каждый день хлопотать, лясы точить да Майора ждать. Все вместе ждать. Вместе ведь намного веселее, правда?

(Ко всем.) Так, доченьки?

Женщины реагируют по-разному. Акулина растрогана, она кивает головой и вытирает платком глаза. У Александры, напротив, слова Анны Семёновны вызвали очередной приступ раздражения. Она резко встаёт из-за стола, закуривает и начинает мерить комнату шагами.

АННА СЕМЁНОВНА. Ну, Саша… Я же просила.

АЛЕКСАНДРА. Да ладно вам, мама… Опять вы… Пару затяжек только.

АННА СЕМЁНОВНА *(Анжеле)*. Ничего не могу с ней поделать. Не знаю, может, хоть ты как-то повлияешь?

АНЖЕЛА *(смутилась)*. Да я и сама, если честно… Иногда… В универе ещё, в общаге баловаться начала.

(Перехватывает тревожный взгляд собеседницы.) Но сейчас – ни-ни, уже месяц как ни одной… У меня и без этого токсикоз дикий, а уж от сигаретного дыма вообще… *(Поправляет курточку на животе.)* Я смотреть теперь на сигарету не могу, не то что…

Акулина и Анна Семёновна многозначительно глядят на Александру. Та поспешно тушит папиросу, бросает окурок в печку.

АКУЛИНА. А с харчами… С харчами у него там как? Сухарей, крупы ячневой, конопляного масла – в достатке? Не голодует?

АНЖЕЛА. Там с питанием всё тик-так, снабженцы крутятся. Тушняка, сгущёнки на складах полно, консервов всяких. Гуманитарку регулярно подкидывают… Со свежим хлебом вот одно время перебои были, но Майор быстро вопрос разрулил.

(Сняла очки, протёрла.) Мы как раз в это время в ауле одном стояли, большой такой аул. Так Майор махом сориентировался: старейшин собрал и каждому – по пять мешков муки. С условием, чтобы местные бойцов лепёшками обеспечивали. И всё – ноу проблем!

АЛЕКСАНДРА. Это он может. Такой он, точно. Для своих ребят, для личного состава – хоть из-под земли… Я всегда говорила, что Майор – от бога командир. *(Осекается, заметив, что воспользовалась чужим лексиконом)*

Ну ладно, ладно, уставились все дружно… Услышали, подловили, поздравляю! Я же не в религиозном смысле – о боге – а так… Для связки слов, для усиления фразы. Фигура речи, так сказать.

Все за столом смеются.

АННА СЕМЁНОВНА. А что, девчонки, не выпить ли нам по маленькой? По чуть-чуть? Повод есть, вон какая красавица к нам сегодня приехала. Да ещё и с хорошими новостями.

Анна Семёновна встаёт и идёт на кухню. Быстро возвращается с бутылкой в руке.

АННА СЕМЁНОВНА *(разливая напиток по рюмкам)*. Думали, конечно, немножко про другое. О другом поводе… Но что есть, то и есть, всё равно же получилось с мыслью о нём, да? Так за него?

АЛЕКСАНДРА. Конечно, за Майора! Чтоб бил он там врага люто, как положено, от души бил – и другим пример показывал. А потом скорее домой. С победой!

АКУЛИНА. Чтоб живёхонек да без увечьев возвращался. И чтоб лихоманка его там стороной обходила.

АНЖЕЛА. Чтоб наградной лист не затерялся и свой орден он в срок получил. А ещё – звание досрочное.

Женщины чокаются, пьют.

АКУЛИНА *(морщится)*. Ох и злая у вас водка, маменька. Забористая. Как прутом калёным всё нутро ожгло. А после в маковку шибануло.

АЛЕКСАНДРА *(скептически оглядывает Акулину)*. Было бы куда шибать. Тоже мне…

АННА СЕМЁНОВНА. Да вы закусывайте, девочки, закусывайте. Для кого всё это наготовлено?

АКУЛИНА. Известно, для кого.

АНЖЕЛА. Для него, да? Майора ждали? А приехала я… Вот…

АННА СЕМЁНОВНА *(треплет Анжелу по затылку)*. И его дождёмся. Обязательно. Когда вместе, оно и ждётся лучше.

За столом возникает пауза. Тишину нарушает звонкий голос Акулины, которая вновь пытается завести песню. Но и из этой попытки ничего не выходит, куплет обрывается на полуслове.

АКУЛИНА (*Анжеле)*. Так, сказываешь, скоро приехать должен? Отпуск посулили?

АНЖЕЛА. Лично зам командующего группировкой пообещал. Сказал, что сразу после операции подпишет.

АЛЕКСАНДРА *(задумчиво)*. А операция уже сегодня… Сегодня начинается…

В комнате снова повисает тишина. Наверно, все думают о той операции, которая сейчас разворачивается где-то очень далеко, о Майоре, который участвует в ней.

АЛЕКСАНДРА *(Анне Семёновне)*. Мама, а может, по новостям уже что-нибудь есть? Ну, об этой самой операции. Когда наши в наступлении, то по радио каждый час сводки зачитывают.

АННА СЕМЁНОВНА. Да, наверно… Скорей всего… Если наступление такое важное, то обязательно сказать должны. Давай сходим, послушаем. Может, и про него что-нибудь услышим, может, номер части назовут.

АКУЛИНА. Это вы, маменька, про короб махонький – что на кухне у нас? Который ещё музыку играет да человечьим голосом кричит? А что, давайте сходим, послушаем. Пускай он нам всё как есть обскажет.

АННА СЕМЁНОВНА. Ну, размечталась! Так тебе по центральному радио всё сразу и расскажут. Но последние известия послушать всё равно надо. Пойдёмте на кухню, сейчас как раз главные новости передавать должны.

Анна Семёновна, Александра и Акулина, поторапливая друг друга, выходят из комнаты. Анжела остаётся за столом одна. Какое-то время она задумчиво вертит в руках свой смартфон. Затем встаёт и идёт к краю сцены – к своему окну.

АНЖЕЛА *(листая снимки в смартфоне)*. Добрый вечер, родной мой. Точнее, доброе утро, ведь у вас там уже почти рассвет… Как ты? Скучаешь? А я вот скучаю. Смотрю сейчас на твои фотки и ещё сильнее скучаю. Всего пара дней, как мы с тобой расстались, а я уже того… В печальках вся, разнюнилась. Вот какая слабачка я у тебя… Смешно? Если смешно, то улыбнись. *(Листает фотографии.)*

Ну чего ты не улыбаешься? Везде серьёзный такой, сил нет. И тут, и тут… И на этой… Вот что мне с тобой делать, мой суровый, беспощадный, мужественный, ласковый, ершистый, единственный-разъединственный мой Майор? Ну же, улыбнись! Не-а, фигушки… *(Смешно поморщилась.)*

Жаль, что у вас там в горах сотовая не берёт. Я бы сейчас позвонила тебе и сказала, чтобы ты селфи сделал. И чтобы обязательно – с улыбкой. А потом мне его эмэмэской. И был бы ты тогда у меня улыбающийся. Я б тогда только эту фотку и смотрела… И всем показывала бы – только эту.

(Вздыхает.) Да ладно, ладно, не хмурься, знаю… Знаю, что даже если б и была связь, всё равно ты бы звонить не разрешил. Режим секретности у вас там, глушилки, радиоперехваты и разная прочая хрень. Ты же ни за что ни для кого исключения не сделаешь. Даже для любимой женщины. Мне иногда кажется, что ты из стали нержавеющей или из этого, как его… Из кевлара – как броник твой. Такой же непробиваемый. За что и люблю. Сильно-пресильно люблю. Так сильно, что и сказать не могу, несмотря на всё свое высшее журналистское с красным дипломом.

(Подмигивает телефону.) А ведь сначала я тебя испугалась. Да, да, реально испугалась! Помнишь, как наша съёмочная группа к вам в расположение приехала? Вы только-только с зачистки вернулись. Грязные, голодные, злые. Два трехсотых привезли… А тут мы! Час назад как с Большой земли заявились – гламурные все: в джинсиках, с сумочками, в юбочках…

Ты тогда как нашу банду с камерами да микрофонами увидел, аж позеленел. Глаза прищурены, скулы играют. Ещё б немного… Вообще… А взгляд! Никогда не забуду тот твой взгляд, мне сквозь землю захотелось провалиться от стыда за наше дебильное задание снять бравурный репортажик с передовой. Но на следующий день ты ничего. Отошёл немного, оттаял. Даже ужин совместный организовал – для офицеров и телевизионщиков.

(Усмехается.) Вот тогда-то мы друг друга по-настоящему и разглядели. Ты за столом рядом со мной сидел, всё шутил, байки армейские травил. На гитаре пару раз сыграл. Потом мы танцевали… Вот под него и танцевали. *(Вертит в ладони смартфон.)*

Ты меня раз пригласил, другой… И больше никому в этот вечер не разрешал со мной танцевать. *(Пауза.)*

Репортаж свой мы всё-таки отсняли. Всё как положено: с синхронами, с общими планами, с комментами. Даже имхо с боевыми действиями *(изобразила пальцами кавычки)*. Ты не поленился, специально нас к зелёнке свозил, сам там из пулемёта и АГСа стрелял. Хоть и постановка, а всё равно эффектно получилось!

Группа через день улетела, а я осталась. Наврала, что дополнительный материал набрать хочу – для итоговой программы, для очерка... А какой там нафиг очерк! Куда мне было возвращаться? К работе своей постылой, ниочёмной? К ежедневному маминому ворчанию по Скайпу по поводу моего развода? Хотя, конечно, это не главное. Из-за тебя я осталась. Хотелось тебя каждый день видеть, голос твой слышать. Ждать тебя с боевых хотелось и радоваться, как распоследней дурёхе, когда твой БТР через КПП домой въезжает. Или наоборот – провожать тебя… Вставать с рассветом и смотреть, как ты с пацанами грузишься в вертушку, чтобы потом в горы… А потом бегать каждые полчаса в штаб и спрашивать: ну что, был сеанс? Выходили на связь? Как они там?..

(Посерьёзнев.) А ещё мне казалось, что я не имела права уезжать от тебя. Просто была уверена: стоит мне уехать, как случится что-то нехорошее, непоправимое. Или на засаду нарвётесь, или фугас под твоим броневиком сработает, или на растяжку нарвёшься… Вот и осталась. Типа – в качестве талисмана. Оберега… Да ты особо и не был против такого решения. Даже хмыкнул довольно, когда я сказала, что никуда не уезжаю. Улыбнулся – и сразу морщинка твоя разгладилась. Ну, эта самая, которая у тебя от переносицы – к шраму. *(Водит пальцем по экрану смартфона.)* Да, да, вот эта самая. Так и мотались мы с тобой потом – по новым гарнизонам, заставам, по блок-постам. То палатка, то штабной вагончик, то школа какая-нибудь полуразрушенная. А я не замечала. Я ведь с тобой была.

(Задумавшись.) Боялась ли я тогда за тебя? Не-а, ни капельки не боялась. Я ведь знала: пока я рядом, никакой снайпер тебя на прицел не возьмёт. А если возьмёт, то пуля всё равно мимо пройдёт, тебя не заденет. Потому что я близко. Совсем близко – только руку протяни… Ту самую руку, что я целовала столько раз. (*Короткая пауза.)*

А вот сейчас боюсь. Очень сильно боюсь, конкретно боюсь. Ведь я уехала – и тебя одного оставила. Не совсем одного, конечно, с ребятами, с товарищами… Но всё равно одного. Без меня, потому что.

(Кладет руку на живот.) До последнего, до самого последнего момента не говорила тебе об этом. Скрывала, как могла. Да разве спрячешь такое? Разговор у тебя был короткий: полчаса на сборы, попутный вертолёт в 12.45, летишь на базу, оттуда ближайшим бортом в город – и к маме. Вернусь, разберёмся, всё решим… И вот я здесь. Улетела, чтобы снова ждать тебя… Только, знаешь, здесь почему-то труднее ждать. Там было легче… Отчего так? Оказывается, ожидание – оно тоже разное бывает.

Прочитала где-то, что японцы могут различить двести оттенков жёлтого цвета. Или около того. Так вот, пока я тебя ждала, я научилась, кажется, пятьсот оттенков ожидания различать. Тысячу… Миллион… Но я всё равно буду. Ждать тебя буду – пусть и не там, пусть здесь. Какая разница… Возвращайся только. Поскорей возвращайся, ладно?

В комнате снова становится шумно – из кухни вернулись Анна Семёновна, Александра и Акулина. Они оживлённо обсуждают только что услышанное по радио.

АКУЛИНА. Что-то я в ум никак не возьму – это о чём он там толковал? Голос-то, который из короба… Про пожары лесные рассказал, про то, что сильный ветер завтра поднимется – тоже. А об Майоре – ни полсловца. Эка бестолочь! Про ветер я и без него знаю – поясницу другой день уж ломит.

АЛЕКСАНДРА. А сама – не бестолочь? Заладила: «короб», «короб»… Вообще-то радиоприёмник это, а не короб.

АННА СЕМЁНОВНА. Одно название, что последние известия. О всяких пустяках сообщили, а о главном даже не заикнулись.

АЛЕКСАНДРА. А я, мама, так думаю: раз ничего не сказали, значит, всё у них там в порядке. Значит, операция развивается поэтапно, согласно оперативному плану командования. Если б там какая-нибудь заминка вышла – уж давно тараторили бы, оправдывались.

АННА СЕМЁНОВНА. Ты думаешь, Саша? Хорошо, если так… Надеюсь, ты права, ты в этом больше моего понимаешь, всё-таки человек военный. Ладно, подождём. Скоро другой выпуск будет, послушаем. Может быть, там скажут что-то.

(Переключает внимание на Анжелу.) Анжелочка, а ты почему не ешь ничего? На тарелке всё не тронутое… Может, курицу подогреть? Или чаю уже? Поставить самовар?

АНЖЕЛА. Нет, нет, что вы, Анна Силантьевна… Семёновна, то есть. Я и так уже всего напробовалась – и салатов, и курицы, и пирога. В меня больше не утрамбовать. Не верите? Вот, сами посмотрите…

Анжела выпячивает свой круглый живот. Женщины сдержанно смеются незатейливой шутке гостьи.

АКУЛИНА. Да и в меня, горлица моя, если по совести… Тоже мало что уж поместится. *(Осторожно проводит рукой по животу.)* Всю утробу Симеон занял.

АЛЕКСАНДРА *(тоже трогает свой живот)*. Сим.

АКУЛИНА. Кто ж ведал, что он такой большой сделается – Симеон-то...

АЛЕКСАНДРА. Он сказал, что будет Сим. Значит, Сим!

В разгорающийся спор срочно вмешивается Анна Семёновна.

АННА СЕМЁНОВНА *(Анжеле).* А ты, Анжела, как сынка назвать собираешься? Или дочку ждёшь?

АНЖЕЛА. Нет, сына… Сына, разумеется.

АКУЛИНА. А что, тоже репкой?..

АНЖЕЛА. В смысле?

АКУЛИНА. Ну, брюхо-то? Не репкой, а огурцом у тебя – на мальчишку указание?

АНЖЕЛА. Не догоняю, о чём вы. Репа, огурец… Я и без всяких огурцов знаю, что мальчик родится. УЗИ для этого есть. *(Играет наушниками от смартфона.)*

Сёмушкой назову. Мы с Майором назовём… В честь командира нашего взвода разведки. Вот такой был парень. Погиб он… Дружили они с Майором очень. Вот в честь него, в память… Спортивный такой был, куча разрядов у него.

(С мечтательной улыбкой.) Сёмка наш тоже спортом будет заниматься. Отжиматься, подтягиваться, бегать… В плаванье его отдадим или там в хоккей, в лёгкую атлетику. Хочу, чтобы он профессиональным спортсменом стал. Спортсмены сейчас вон как живут: и получают прилично, и по разным странам ездят, и в депутаты их выбирают. Плюс уважуха, слава, награды. Зашибись!

АЛЕКСАНДРА. Награды, слава… Да о чём ты, девонька? Разве это главное? Надо, чтобы он, в первую очередь, не себе, а людям пользу приносил. Стране своей пользу. Чтобы добрым, смелым и умным вырос. Ну и сильным, само собой.

(Трогает юбку на животе.) Военным мой Сим будет. Как отец его. Пусть рубежи Родины защищает, врагам отпор даёт – вон сколько у неё врагов. А будет честно службу нести, так и уважение придёт. Само по себе придёт, вместе с наградами и славой.

АКУЛИНА. А по мне – сугубого почёта да наград не только чрез страсти ратные достигнуть можно. Солдатское дело – оно ох какое трудное! Повидала… Служивый – он завсегда то в сырости, то в стуже, то на солнцепёке адовом. Знай себе марширует, куда начальство приказало, да в добавок ещё пудовое ружьё с ранцем на себе таскает. А какие обиды да притеснения военный человек от интендантов да обер-офицеров всяких терпит! Ой, не приведи Господь… Про ядра, да про сабли, да про пули неприятельские уж и толковать неча.

(Разглаживает складки сарафана на животе.) Нет, Симеон по учёной части пойдёт. Книжные премудрости проходить будет. Мы с Майором спервоначалу его грамоте обучим, чтоб всю как есть азбуку превзошёл – до последней буквицы. Потом он счёт изучать станет. До сотни, а может статься, и до тыщи считать научится. Ну, закон божий всенепременно, чистописание… А после уж пускай сам решает, по каким наукам продвигаться. Захочет – по арифметике, захочет – по языкам да по словесности. А бог даст способность – так и по духовным книгам… Мне б шибко хотелось, чтоб по духовным!

АЛЕКСАНДРА. Опять двадцать пять *(вертит пальцем у виска)*. За своё снова, да, кликуша? Ты хоть понимаешь, на что ребёнка обрекаешь? Ты его в муть религиозную толкаешь, в темноту, в поповщину непроглядную…

АКУЛИНА. И ничего худого в том не вижу, что поповщина. Иные попы в архиепископы, а то и в митрополиты выходят. Ты, Ляксандра

Батьковна, хоть раз облачение митрополита видала? В золоте, в парче, в бархате да в шелках весь: от подрясника до навыйника. И митра какая – глаз не отвесть! А посох, посох у него… Тут серебром, тут жемчугом, а сверху – каменья изумрудные!

(Назидательно.) Сама по здравости рассуди: какая добрая мать дитяти своему не пожелает, чтоб оно в парче да в золоте ходило?

Александра поставлена в тупик, она не знает, как возразить на этот аргумент. В молчании разводит руками.

АННА СЕМЁНОВНА. А я вот, девочки, не поверите: когда как вы была… Ну, в интересном положении… Я хотела, чтоб мой сынишка артистом стал. Не улыбайтесь, не улыбайтесь. Да, артистом! Мне ведь тогда по глупости, по молодости моей казалось, что артисты – это самые интеллигентные, самые образованные, самые утончённые люди. А жизнь у них какая! Что ни вечер, то аплодисменты, вызовы на бис, букеты цветов, разговоры об искусстве… *(Поправляет волосы.)* Но судьба – она по-своему всё расставила. По своим местам… Хотела, чтобы сын на артиста выучился, а он военным стал.

АНЖЕЛА. Да не велика разница. И тот, и другой на гастролях всю дорогу.

Женщины смеются. Анна Семёновна, воспользовавшись общим благостным настроем, наливает всем ещё по рюмочке.

АННА СЕМЁНОВНА. Ну, давайте за то, чтоб он побыстрее со своих затянувшихся гастролей возвращался!

Женщины чокаются, выпивают.

АКУЛИНА. Брильянтовые ваши слова, маменька! Золотые! Будет с него, нашагался, наскакался, настрелялся. Пора б уже Майору утихомириться, остепениться, о семье подумать. О жене, о детках. В своём дому – в тепле, в достатке да в спокойствии посидеть.

АЛЕКСАНДРА. Так ведь не утерпит он дома, не усидит долго. У него ж как будто шомпол наскипидаренный в одном месте. Неделю дома побудет, и потянет его, засобирается опять… Такой уж характер.

АНЖЕЛА. Точняк – характер! Майор, когда с замотылом дивизии вдрызг разругался, тот ему так и сказал: с твоим, говорит, въедливым неуживчивым характером ты, Майор, никогда генералом не станешь.

АКУЛИНА. Да типун на весь его поганый язык за такие злословные речи!

АНЖЕЛА. Да, да, открытым текстом. Прямо так. Ох и замотыл у нас был, знали бы вы! Натуральный ганд… Гандболист. Гандольер Гондурасович… Нрав у него ещё такой паскудный: ему других подставить, заложить или соврать что-нибудь – как два пальца… Мразь и подонок – хуже московского таксиста.

АННА СЕМЁНОВНА. Ну, про характер он не очень-то приврал. Характер у Майора – с детства ещё, со школы такой. Бескомпромиссный. Если несправедливость какую замечал, то мог любому об этом в лицо… Хоть соседу по парте, хоть учительнице, хоть завучу.

(Задумчиво.) Как он там сейчас? Как эта спецоперация? Может, закончилось уже всё? Надо бы радио включить, ещё разок послушать.

АНЖЕЛА. Далось вам это радио! По радио сейчас ничего путного не услышишь, там только реклама да Басков со Стасом Михайловым. Для самых свежих новостей Интернет давно придуман. *(Достает смартфон.)* Сейчас по агентствам, по лентам новостным пошарим… Пять сек… *(Включает телефон.)*

Что-то связь тут у вас… Ловит не очень, сигнал хиленький. Ага, вот… Сеть проклюнулась. Открывается… *(Листает странички.)* Сейчас по самым популярным сайтам посмотрим… Вот, новости последнего часа… «Тайфун оставил без света… Взрыв бытового газа в жилом доме… Тимур поссорился с Амуром… Наступление ударной группировки захлебнулось…» *(Растерянный взгляд на остальных.)*

Это про кого? Это про них?.. *(Читает дальше.)*

«Командование ударной группировки признало факт срыва наступления на укрепрайон. Об этом на брифинге заявил официальный представитель штаба командования группировки. Он подчеркнул, что в результате ожесточённых боёв противник понёс чувствительные потери в живой силе и технике. Вместе с тем он признал, что достичь поставленной цели войскам не удалось. При этом, согласно данным независимых источников, передовые соединения наступавшей стороны попали в окружение, были заблокированы и почти полностью уничтожены».

Анжела отрывается от экрана, оглядывает присутствующих.

АНЖЕЛА. Вот… Это агентство передаёт… А ведь он как раз в передовых и шёл…

АЛЕКСАНДРА *(резкий удар ладонью по столу)*. Что за хреномантия?! Ты где этот бред откопала?.. Не про них это всё, не про Майора… Ты что, нормальные новости посмотреть не можешь?

Анжела снова начинает листать.

АНЖЕЛА. Ну вот… Другой сайт, точнее, лента круглосуточная… Серьёзная, со ссылками на зарубежные СМИ… И здесь то же самое: «Наступление закончилось неудачей… Ударная группировка понесла существенные потери… Передовые подразделения окружены… Связи с заблокированными соединениями нет…»

В комнате повисает тяжёлая пауза. Тишину нарушает тихое поскуливание Акулины. Поскуливание постепенно переходит в завывание.

АЛЕКСАНДРА. Стратеги хреновы! Вечно так… У нас так… Допланировались, вашу Машу, дорисовались стрелками по карте… Я всегда говорила, что в штабах одни бездари и трусы сидят. Начертят красными карандашиками – и под удар людей… Живых людей! Своих же – под пули, на мины, на доты!

АНЖЕЛА *(губы её дрожат)*. Это что ж такое получается? Это как же так?.. Он же говорил, что всё подготовлено было, что огромные силы, техника… Что они за сутки…

АКУЛИНА. Ой, милёночек мой! И где ж ты теперь, ненаглядный? Где теперь головушка твоя, на кого твои ясные очи глядят?.. Я ж тебя ждала, соколик родимый, я ж столько слёз пролила, тебя ожидаючи…

АНЖЕЛА. А я ведь говорила… Сколько раз я говорила ему: не отправляй меня, пока я рядом с тобой, ничего плохого не произойдёт… Я чувствовала… У меня предчувствие было…

АЛЕКСАНДРА. Да при чём тут предчувствие… В штабах сволота всякая засела, вот почему так… Всегда так… *(Достаёт папиросу, но тут же нервно сминает её.)*

Мы же тоже… Нас сколько раз бросали в прорыв без артподготовки, без разведки… Сидят там в тепле и сытости, говнюки, рожи наели, операции придумывают, ордена чужие делят. А вместо них… Эх!..

Анжела вновь принимается читать новости в смартфоне.

АНЖЕЛА. Все агентства одно и то же: «Передовые подразделения наткнулись на глубоко эшелонированную оборону… Управление наступающими частями полностью утеряно… Остатки окруженных частей наступавшей группировки несут серьёзные потери…»

(Непослушным голосом.) Так это о нём, выходит? Он же там как раз… Он в авангарде должен был… А потом – в отпуск должен был…

АКУЛИНА *(истерично)*. Молиться надо было – вот что! Денно и нощно молиться за него, земные поклоны класть. В церковь надо было… Свечки надо было… Иконки – и Матери Богородице, и Михею Заступнику, и Гермогену Целебнику… А мы… А вы…

АЛЕКСАНДРА *(сквозь зубы)*. Иконки, говоришь, свечки?.. Когда лежишь на минном поле, в землю вжался, а по тебе метров с трёхсот и пулемёты, и снайпера, и гаубицы прямой наводкой – какие там свечки... Забываешь тогда про свечки.

АКУЛИНА. Там, может, и забывают, когда под картечью неприятельской. А нам тут не должно забывать… Нам и о молитвах, и об святых иконах, и об свечках с лампадками ежечасно помнить надобно – чтобы там легче было. Чтобы смерть их там стороной обходила…

(Повышает голос.) А ты Николая Чудотворца – на пол!.. Свечку восковую, самим игуменом Пафнутием благословлённую – на пол! *(Тычет пальцем в экран смартфона.)* Из-за тебя всё это, гидра болотная! Из-за тебя его там… В огне тебе гореть, в преисподней корчиться до второго пришествия, до Суда страшного!.. Ведь он теперь не приедет, никогда уж не приедет… Не увижу его вовек…

В бешенстве Акулина выкрикивает проклятия, потрясает кулаками и делает угрожающее движение в сторону Александры.

В этот момент со своего места резко поднимается Анна Семёновна. Она подходит к Анжеле, вырывает из её рук смартфон. Затем Анна Семёновна быстро оказывается у печки, открывает топку, швыряет смартфон в огонь.

АННА СЕМЁНОВНА. Всё! Хватит мне тут! Услышали краем уха непонятно какие сплетни – и сразу сопли, истерики, стенания… Вы чего его хороните? Заживо хороните… Не такой он, чтобы так запросто… Чтобы окружили, обстреляли – и конец… Врут они всё, не верю я. И вы не верьте! *(Снова опускается на стул.)*

А они… Эти – пускай… *(Неопределённо машет рукой.)* Пускай себе врут, небылицы придумывают. Они сегодня одно, завтра другое… Нам-то какое дело… Нам-то что…

(Очень тихо, но чётко.) У нас другое, девочки. Нам ждать надо…

Изо всех сил… Как ждали – так и будем, и никто нам не помешает, никто нас с толку не собьёт. Когда ждёшь, когда очень сильно хочешь, чтобы человек вернулся, то он обязательно возвращается – к тем, кто ждёт, кто любит… Я-то уж знаю.

Анна Семёновна переводит взгляд с одной женщины на другую.

АННА СЕМЁНОВНА *(по-прежнему негромко)*. К тебе, Анжела, с Сёмушкой твоим. К тебе, Саша, вернётся – с Симом. К тебе, Акулина – с Симеоном. Непременно вернётся... Ну и ко мне, конечно.

АНЖЕЛА. Да, да… Он вернётся… А как же… Обязательно…

АКУЛИНА. И то верно… Сколь ждали – и ещё подождём, потерпим. Чего нам… Главное дело, чтоб пришёл.

АЛЕКСАНДРА. Придёт! Майор ещё не из таких передряг выбирался. Нас вон, помню, раз с обоих флангов прижучили. Крупнокалиберными нас, из танков осколочными – почти сутки… Ничего, выстояли, не сдали плацдарм.

АКУЛИНА. Что правда, то правда... За таким удалым командиром служивый вовек не пропадёт. А случись крайность какая – так солдат сам своего командира из пекла вытянет... Когда на переправе на наш обоз уланы налетели, один Майора пикой хотел достать, аккурат в грудь целил. Так солдатики не дозволили, сами промеж Майором и тем уланом встали.

АНЖЕЛА *(поправила очки на переносице)*. Ну а тот бой взять… Майора с ребятами в поиск отправили, на перевал. Из оружия – только автоматы и пара пулемётов. И тут – караван. Тех больше роты было, а наших человек двадцать. Трое суток он с пацанами круговую держал. Отбивались, пока подкрепление не подошло... И дождались они своих! *(Пауза.)*

Вот и сейчас дождутся.

АННА СЕМЁНОВНА. Дождутся, тут и сомневаться нечего. Он со своими солдатами – подмоги. А мы его дождёмся.

На авансцене возникает большое окно. Это уже не то окно, возле которого произносили свои монологи Александра, Акулина и Анжела. Это общее окно. А может, рамка для большой групповой фотографии.

АННА СЕМЁНОВНА *(подходя к окну-рамке)*. И не будем никого слушать. Есть у вас сердце – вот его и надо… Тем более, что у вас теперь по два…

АНЖЕЛА *(приближается к окну)*. А я вообще-то и не очень… Не очень поверила, когда прочитала… В новостях постоянно так, врут там напропалую. Утром напишут чего-нибудь, а вечером уже опровержение… Чего им верить?.. Ждать надо.

АЛЕКСАНДРА *(тоже встала в «рамку»)*. Когда ты не одна ждёшь, время и в самом деле быстрее как-то… Иногда кажется, что оно само себя торопит, чтобы ты не мучился, чтобы тебе дожидаться легче было. Ну, или тому человеку полегче – о котором ты думаешь… Поэтому будем ждать. Мы же умеем.

АКУЛИНА *(и она появилась в окне, встала рядом с остальными)*. А русская баба – она такая. Чего другого, а уж ждать… Ждать она и вправду умеет... Ну что с того, что поревёт иной раз, белугой повоет – душа-то у неё, небось, не медная. А проревётся, слёзы утрёт, просмор-

кается – и крепче прежнего ждать примется. И дождётся-таки! Потому как он – орлик-то ейный – он там на чужбине знает, всем своим нутром чует, что его тут ожидают. Вот к ней на зов и поспешает. Как может – так и поспешает.

Некоторое время женщины молча стоят у окна, они думают о чём-то, вглядываются в только им видимую даль.

Секунда, другая, третья…

И вот Акулина тихонько заводит свою протяжную песню. Сначала она поёт в одиночку, но куплет быстро подхватывает Анна Семёновна. За ней – Александра, за Александрой – Анжела.

…О чём их песня? Может, о пройденных путях-дорожках, о людях, которые на этих дорожках повстречались.

А может, о детях – рождённых и ещё не рождённых – да об участи, что подкарауливает их впереди.

Или она о мужчине – песня эта? О том самом – единственном мужчине, которого они так долго высматривают в своё окно? О том мужчине, которого они ждут, и ни за что ждать не перестанут…

Неизвестно.

Вам лучше у них у самих об этом порасспросить.

Занавес